

УДК 94(47) + 314

В. А. Зверев

Новосибирский государственный педагогический университет, Институт истории
Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В СИБИРИ: ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВАРИАНТОВ*

Опубликовано: *Зверев, В.А.* Начальный этап второго демографического перехода в Сибири: опыт моделирования вариантов / В. А. Зверев // *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета.* Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 207–211.

В ряде моих работ обоснована концепция начала демографической модернизации Сибири в конце XIX – начале XX в. – вслед за Европейской Россией. В порядке ее развития здесь формулируется следующее положение: переход от традиционного типа воспроизводства населения к современному в той части Азиатской России, что была населена преимущественно русскими, разворачивался на начальном этапе в соответствии с двумя моделями – «старожильческой» и «переселенческой». Обе можно представить в количественно-статистическом и интерпретационно-описательном форматах.

В настоящей работе, как и во многих предшествующих, в качестве теоретико-методологической основы изучения процесса социально-демографического развития Азиатской России я использую *теорию демографического перехода*. Основы этой теории были заложены в 1930–1940-х гг. в зарубежной науке А. Ландри и Ф. Ноутстейном, с 1970-х гг. она применялась к анализу демографических процессов в России А. Я. Квашой, А. Г. Вишневым и другими учеными¹. В последней трети XX в. важные положения этой концепции были встроены в теорию модернизации традиционного общества. Общим элементом разных вариантов теории демографической трансформации является периодизация социально-демографического развития, соответствующая трем крупным этапам истории человечества (общество присваивающей экономики, традиционное аграрное, современное индустриальное общества). Считается, что каждому этапу соответствует определенный тип

* Подготовлено в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО и ДВО РАН № 62 «Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI в.», а также при поддержке РГНФ, грант № 10-01-00247а «Западная Сибирь в контексте демографической модернизации».

воспроизводства населения – единство интенсивности демографических процессов и механизмов их социального регулирования. Смена одного типа воспроизводства другим обозначается термином «демографический переход». Таким образом, *второй демографический переход* – это исторический процесс замены традиционного (неограниченного, экстенсивного, затратного) типа воспроизводства населения современным (ограниченным, экономным, рациональным) типом. Это переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. Второй демографический переход сегодня признается важной составной частью цивилизационного перехода – модернизации традиционного аграрного общества в аспекте демографической модернизации.

В науке сложились представления о *хронологии второго демографического перехода* как глобального, национального и регионального процесса. Считается, что в истории человечества эпоха перехода началась с середины XVIII столетия (в Западной Европе) и закончится к концу XXI в. Различные страны вовлекаются в переход не одновременно, а «эшелонами», в масштабе одной страны переход продолжался от 60 до 190 лет, занимая в среднем 90 лет. В России, стране второго «эшелона» демографической модернизации, по мнению Б. Н. Миронова, переход происходил со второй трети XIX в. до 1960-х гг. Процесс «начался с западных губерний, населенных протестантами, католиками и иудеями, и постепенно распространился на восток и юг, охватывая сначала большие города, потом мелкие города, затем крестьянство губерний промышленной ориентации и, наконец, сельскохозяйственные регионы»². А. Г. Вишневский разработал другую хронологию, согласно которой начало второго демографического перехода в России относится к концу XIX – началу XX в., а завершения его здесь еще не произошло³. Применительно к Сибири вопрос о датировке начала второго демографического перехода впервые поставлен в моих работах 1990-х гг. Было сформулировано представление о том, что в 1860-х – середине 1890-х гг. в регионе стали складываться предпосылки демографической модернизации, а на рубеже XIX–XX вв., вслед за Европейской Россией, появились ее явные признаки. Стартовые проявления транзиции в Сибири были выражены слабее, чем на западе Европейской России, в сибирских городах они проявились определеннее, чем в селениях⁴. Эти выводы затем нашли подтверждение, применительно к городам и селениям Западной Сибири, в трудах А. Н. Сагайдачного⁵, В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова⁶. Однако их оспаривает В. А. Исупов, называя «безрезультатными» попытки перехода к новому типу воспроизводства населения в Западной Сибири до 1942–1943 гг., когда впервые «удалось не только приостановить резкое повышение смертности тылового населения, но и добиться ее сокращения»⁷.

Значит, существует необходимость дополнительного обоснования нашей точки зрения. В данном случае я постараюсь сделать это, опираясь на *схему развития демографического перехода в разных регионах мира*, используемую в демографических прогнозах ООН. Эта схема выделяет четыре фазы транзции, конечный результат которой – стабилизация (прекращение роста численности) населения. Выделение фаз основано на сравнительной динамике общих коэффициентов естественного движения населения. *Первая фаза демографического перехода*, которая нас в данном случае интересует, знаменуется снижением коэффициентов смертности, которое опережает снижение коэффициентов рождаемости (последние могут на первом этапе и расти), в итоге в этой фазе общие коэффициенты естественного прироста достигают своего наибольшего значения⁸. С учетом схемы ООН вопрос о том, имели ли место в Сибири в конце XIX – начале XX в. начальные и достаточно устойчивые проявления демографической модернизации, можно переформулировать так: *снижались ли в указанное время в регионе общие коэффициенты смертности, опережал ли этот процесс сокращение коэффициентов рождаемости, наблюдались ли в итоге экстремальные темпы естественного прироста населения?* Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим показатели естественного движения населения Сибири, взятой в территориальных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей за 1884–1914 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика общих демографических коэффициентов в Сибири

конца XIX – начала XX в., ‰*

Годы	Смертность	Рождаемость	Естеств. прирост
1884–1886	34,7	48,7	14,0
1887–1891	33,1	45,9	12,8
1892–1896	35,7	48,8	13,1
1897–1901	32,0	49,9	17,9
1902–1905	31,2	47,6	16,4
1906–1909	34,0	52,3	18,3
1910–1914	31,9	51,5	19,6
1884–1896	34,5	47,6	13,1
1897–1914	34,1	53,3	19,2

* Данные таблиц 1–2 подсчитаны по источникам: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за... [1886–1895 гг.]. СПб., 1888–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. – СПб.; Пг., 1905–1916. За неимением в источниках не учитываются сведения по Акмолинской обл. за 1887–1889 и 1891 гг., по Забайкалью за 1887–1895 гг. Годовые показатели смертности и рождаемости измерены 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году. Показатели за многолетние периоды равны средним арифметическим всех годовых показателей за конкретный период.

Сравнение между собой дробных 3–5-летних хронологических отрезков создает впечатление противоречивости картины: в диахронических рядах и смертности, и рождаемости, и естественного прироста показатели колеблются, то увеличиваясь, то сокращаясь, и генеральные векторы изменений не очевидны. Этот факт можно истолковать таким образом, что начальных проявлений демографического перехода динамика общих демографических коэффициентов не обнаруживает. Однако не следует торопиться с таким выводом. Если сравнивать между собой два более длительных хронологических отрезка – 1884–1896 и 1897–1914 гг., то *признаки первой фазы демографического перехода в масштабах всей Сибири налицо*. Смертность немного сократилась, а рождаемость подросла, и поэтому естественный прирост населения превысил 19 ‰, что свидетельствует о начинающемся демографическом «взрыве».

Сравним теперь динамику общих демографических коэффициентов в двух субрегионах Сибири – Иркутской и Томской губерниях, причем выделим только сельскую местность, где меньше всего можно ожидать обнаружения признаков демографической модернизации (табл. 2).

Таблица 2

**Естественное движение сельского населения в Томской и Иркутской губерниях
конца XIX – начала XX в., ‰**

Годы	Томская губ.			Иркутская губ.		
	Смертность	Рождаемость	Естеств. прирост	Смертность	Рождаемость	Естеств. прирост
1887–1889	25,5	48,6	23,1	39,8	48,3	8,5
1890–1892	30,0	48,6	18,6	32,7	46,7	14,0
1893–1895	37,1	63,6	26,5	39,2	47,7	8,5
1902–1905	28,9	52,3	23,4	35,0	45,0	10,0
1906–1909	34,7	58,0	23,3	32,2	45,0	12,8
1910–1914	32,5	55,7	23,2	28,7	45,0	16,3
1887–1895	30,9	53,6	22,7	37,2	47,6	10,4
1902–1914	31,8	55,4	23,6	30,4	45,0	14,6

В Томской губ. динамика показателей естественного движения населения выглядит еще более «неупорядоченной» и не отвечающей стандартам первой фазы демографического перехода, чем по Сибири в целом. Сравнение 3–5-летних микропериодов в первом приближении не выявляет закономерностей динамики: показатели то возрастают, то сокращаются. В промежутке между 1887–1895 и 1902–1914 гг. смертность не сократилась, а увеличилась (хотя и в меньшей степени, чем и рождаемость). Это увеличение никак не соответствует закономерностям первой фазы демографической транзисии. В то же время

небольшое усиление рождаемости и особенно естественного прироста этим закономерностям соответствует. В Томской губ. почти на всем протяжении изучаемого периода естественный прирост населения «зашкаливал» за 20 ‰ и был самым высоким во всей Азиатской России.

В Иркутской губ. динамика демографических коэффициентов во многом выглядит по-иному. Если исключить из анализа 1890–1892 гг., то наблюдаются последовательное, от одного 3–5-летнего периода к другому, и довольно быстрое сокращение смертности, а также небольшой спад рождаемости. Иркутские масштабы естественного прироста сильно уступали томским, но за время с 1893–1895 до 1910–1914 гг. они увеличились почти в два раза! *В деревенском населении Иркутской губ. явственно обнаруживаются все признаки первой фазы демографического перехода.*

Стараясь объяснить столь разительную специфику динамики естественного движения сельского населения двух губерний, мы пришли к убеждению, что решающее влияние здесь оказывает разница в составе этого населения. Томская губ. во второй половине XIX – начале XX в. – основной район массового притока аграрных мигрантов: например, в 1896–1913 гг. именно сюда водворилась почти половина из 3,2 млн переселившихся в Сибирь⁹. К 1914 г. новоселы составляли большинство сельского населения Томской губ. и весьма значительную часть городского. Иркутская же губерния в изучаемое время приняла небольшую часть переселенческого потока (в 1896–1913 гг. – всего 3,2 %¹⁰), и здешнее население состояло в основном из «чалдонов» – сибирских старожилов. Очевидно, переселенцы и старожилы Сибири в конце XIX – начале XX в., будучи носителями однотипных – традиционных – демографических представлений и стандартов демографического поведения, в разной степени и разным путем втягивались в наметившийся переход к современному типу представлений и поведения. Специфика демографического поведения жителей (в Томской губ. – преимущественно переселенцев, в Иркутской – в основном старожилов) и породила существенную разницу в динамике общих демографических коэффициентов в субрегионах Сибири.

Проведенное выше сравнение динамики естественного движения населения в двух сибирских губерниях позволяет сделать следующее умозаключение. *Демографический переход в его первой фазе начинался в Азиатской России в соответствии с двумя моделями, которые можно назвать «старожильческой» и «переселенческой».* Обе они в той или иной мере отражают ситуацию на всем пространстве Сибири, поскольку почти везде двумя наиболее многочисленными категориями населения здесь были старожилы и новоселы. Однако каждая из них в разной степени соответствует реалиям конкретного субрегиона, поскольку соотношение доли «природных» сибиряков и переселенцев в населении разных губерний и областей было различным. В наиболее «чистом» виде обе модели представляют

нам демографическую динамику деревенского населения, поскольку в городах разница в демографических установках и поведении старожилов и новоселов испытывала нивелирующее влияние со стороны урбанизационных процессов.

«Старожильческая» модель первой фазы демографического перехода может быть описана следующим образом. В среде давно укоренившегося старожилого населения Сибири демографическая модернизация начиналась по сценарию, близкому к «классическому». В поселениях «чалдонов» в изучаемое время опережающими темпами сокращалась смертность. Факторы этого сокращения: первые, пока еще скромные, успехи в деле формирования в нашем крае сети образовательных и медицинских учреждений, активизация культурно-просветительской деятельности общественности, положительные подвижки в развитии благосостояния старожилов. Начала (более медленными темпами, чем смертность) снижаться рождаемость. Увеличивался естественный прирост населения, оставаясь в целом относительно умеренным: демографический «взрыв» в среде старожилов, по-видимому, наступил ближе к завершению начальной фазы транзиции – в 1920–1930-х гг.

Уже выходя за рамки специального разговора о динамике общих демографических коэффициентов, отметим и некоторые дополнительные особенности «старожильческой» модели. В многочисленных трудах историков и этнографов (в том числе в ряде моих работ¹¹) отмечались такие особенности демографической ситуации в среде сибиряков-«чалдонов» на рубеже XIX–XX вв.: наименьшая, по сравнению с переселенцами, распространенность эпидемических заболеваний, снижение уровня младенческой и детской смертности, рост модальной продолжительности жизни, уменьшение людности семьи и домохозяйства, упрощение их структуры, оптимизация соотношения мужчин и женщин в населении и т. д. В наибольшей степени «старожильческая» модель отражает особенности демографических процессов, протекавших в тех субрегионах Азиатской России, где в населении доминировали «природные» сибиряки (Иркутская губ., Забайкальская обл. и др.).

«Переселенческая» модель начальной фазы демографического перехода выглядит так. В среде недавних переселенцев демографическая модернизация проявлялась, прежде всего, в самом факте добровольной миграции по рациональным соображениям. Характерно, что в случае несоответствия условий поселения в Сибири их ожиданиям многие мигранты были готовы осуществить вторичный переезд в более подходящую местность. Смертность в экстремальных условиях переселения в этой среде была весьма высокой, хотя со временем и сокращалась. Обратите внимание, что во всем населении Сибири (см. табл. 1), в сельском населении Томской губ. (см. табл. 2) всплески смертности происходили именно в 1890-х гг. и в годы Столыпинской аграрной реформы, когда поток переселенцев на восток достигал наибольших масштабов. Большая смертность с лихвой компенсировалась высокой

рождаемостью, которая объясняется необходимостью компенсировать демографические потери, обеспечить новое хозяйство в Сибири «земельными душами» и работниками, а также молодым составом миграционной волны. Именно в среде переселенцев прежде всего сложились максимальные показатели естественного прироста населения, достигнув, по данным 1906–1912 гг., 25–30 %¹². Затем демографический «взрыв» распространился и на другие категории сибирских жителей.

«Переселенческой» модели присущи также наиболее широкая распространенность эпидемий, экстремально высокая младенческая и детская смертность, редкие семейные разделы, сравнительно большая людность семьи и домохозяйства, более интенсивная брачность, половая диспропорция в населении (преобладание мужчин) и т. д. В максимальной степени этой модели соответствовали демографические процессы в тех субрегионах Азиатской России, которые принимали наибольшее количество аграрных мигрантов – в Томской губ., Акмолинской обл. и др.

Но можно ли развитие демографических процессов в переселенческой среде Сибири увязывать с началом демографического перехода, если в этой среде имелось так много несоответствий с «классической» моделью последнего? Мне думается, что можно, ведь все эти несоответствия существовали только непосредственно в момент переселения и в первые несколько лет после него, когда происходило укоренение «лапотонов» на новых местах. Эти несколько лет заведомо не перекрывали хронологию всей первой фазы демографического перехода, которая длилась несколько десятков лет, по-видимому, до начала 1940-х гг. В процессе своего хозяйственного обустройства и «осибириячивания» в тесном контакте с «чалдонами» переселенцы усваивали новые демографические установки и корректировали свое демографическое поведение, расширяя таким образом социальный и территориальный ареал действия «старожильческой» модели первой фазы перехода.

В конце XIX – начале XX столетия процессы, соответствующие обеим моделям, на пространстве Сибири, где переселенцы и старожилы уравнивались по своей численности, накладывались друг на друга. В реальности возникала картина, отличная от теоретического представления о том, как должны выглядеть начальные проявления демографической модернизации. Однако модернизация уже стартовала: стали меняться демографические представления и поведение сибиряков, что нашло отражение и в динамике показателей воспроизводства населения.

Две модели первой фазы демографического перехода можно представить не только в количественно-статистическом, но и в нарративно-описательном формате. При этом следует учесть результаты историко-этнографических исследований¹³, авторы которых выделяют «старожильческую» и «переселенческую» специфику тех прогрессивных изменений, что

проявились в конце XIX – первой трети XX столетия, т. е. в начале демографического перехода, в гендерной, семейно-брачной, детородной, витальной сферах образа жизни сибиряков.

¹ Подробнее о теории демографического перехода см.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976; *Chesnais J. C.* The Demographic Transition. Oxford, 1992; *Иванов С. Ф.* Демографический переход // Народонаселение: энцикл. слов. М., 1994. С. 105–112; и др.

² *Миронов Б. Н.* Историческая социология России. СПб., 2009. С. 136. См. также: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 209–211.

³ См.: *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006; и др.

⁴ См.: *Зверев В. А.* 1) Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 27; 2) Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; 3) Старт модернизации: демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72; и др.

⁵ См.: *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 23–37; и др.

⁶ См.: *Скубневский В. А., Гончаров Ю. М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. С. 67–93, 27–228; и др.

⁷ *Исупов В. А.* К вопросу о начале демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 16.

⁸ *Иванов С. Ф.* Указ. соч. С. 108–110.

⁹ См.: *Горюшкин Л. М.* Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1989. С. 7–8, 12.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ См.: *Зверев В. А.* 1) Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991; 2) Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993; 3) Самоходы из Расаи: крестьяне в эпоху массовых переселений // Родина. 2000. № 5. С. 127–129; и др.

¹² Подсчитано по источнику: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Вып. 5. С. 173, 194.

¹³ См., например: *Явнова Л. А.* Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; *Коляскина Е. А.* Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.